

УДК 82-1/-9

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЭПИГРАФА К ЦИКЛУ А. ПУШКИНА
«ПОВЕСТИ БЕЛКИНА» И ЖАНРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ**

Карпыкова Арайлым Шоқанқызы

akarpykova97@mail.ru

Магистрант ЕНУ им. Л.Н.Гумилева,
Нур-Султан, Казахстан

Научный руководитель – К.Б. Уразаева

Эпиграф в цикле А. Пушкина «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» (далее и везде: «Повести») не становился объектом изучения в аспекте связи с жанровой трансформацией произведений цикла. Между тем такой подход создает предпосылки для исследования эпиграфа как литературного источника и соотношения точек зрения автора как медиатора, выбравшего эпиграф, и точек зрения героев произведения как фактора жанровой трансформации. Достижение цели представляется обеспеченным решением задач: 1) анализ эпиграфа как самостоятельного нарратива и точки зрения его автора; 2) изучение интерпретации эпиграфа автором произведения рассматриваемого цикла; 3) исследование факторов идентификации повествователя с точкой зрения определенного героя / корректировка восприятия текста читателем.

Исходным тезисом послужила мысль, что эпиграф в данном цикле становится парафразом, адаптацией автором чужого слова. За такой позицией Пушкина кроется авторская установка, характеризующая полемику по отношению к эпиграфу, подтвержденное расхождением его художественной стратегии с автором эпиграфа.

Эпиграф становится у автора инструментом диалогизации, делегирования чужой точки зрения, с фиксированным авторством Пушкина как создателя цикла. При этом информативная функция эпиграфа, с одной стороны, формирует пушкинскую точку зрения, с другой, появляется круг дополнительных коннотаций. Эпиграф в единстве информативной и формоопределяющей функций является повествовательным текстом, у которого структура повествования отличается от структуры и типа повествования основного текста. Если учесть функцию эпиграфа по отношению к тексту как функцию «регулировки нарративной информации» [1, с. 377-378], то становится возможным выявление функции эпиграфа как фактора жанровой трансформации.

Во-первых, таким фактором становится характерное для цикла травестирирование, создающее комическую модальность. Причина заключается в несовпадении коммуникативных настроек. Исходная коммуникативная ситуация эпиграфа, обусловленная точкой зрения рассказчика, дополняется «наивной» точкой зрения рассказчика. Рассказчик вариативен: как указано в предисловии, «Смотритель» рассказан был Белкину титулярным советником А.Г.Н., «Выстрел» – подполковником И.Л.П., «Гробовщик» – приказчиком Б.В., «Метель» и «Барышня» – девицею К.И.Т). Пушкинская коммуникативная интенция заключается в имитации его согласия с точкой зрения рассказчика и восприятию истории в единстве с повествователем.

Эпиграф к предисловию «От издателя» с отсылкой к «Недорослю» Фонвизина конструирует мнимую наивную точку зрения и создает рецептивное ожидание читателя. Однако здесь вступают в противоречие информативная и формоопределяющая функции эпиграфа. Например, синтез смеховой культуры с литературной рецепцией («веселых гробовщиков» В. Шекспира и В. Скотта) создает повествующий дискурс Пушкина, в котором умышленные умолчания, недоговоренность содержат потенциально сюжетные истории. Так, к примеру, потенциально возможные линии развития историй: если бы Вырин дождался Дуни, то какой была бы их встреча, последующая жизнь героев, или – как бы изменилось повествование, если бы заказ наследников купчихи Трюхиной достался Адрияну Прохорову; если бы Владимир не погиб, если бы Сильвио, воспользовавшись правом на выстрел, убил графа и т.д. Однако выбранный Пушкиным тип повествования обусловлен связью эпиграфа и основного текста. Кроме того, внимание к структурной теории повествования позволяет осуществить анализ эпиграфа как *мотивированного* повествования.

Автор компенсирует «наивность» травестирированием. Так автор не только сообщает целостность произведению, но и осуществляет жанровую трансформацию. Таким образом, экспликация эпиграфа связана с воплощением коммуникативных интенций автора, а направленность на имплицитного читателя формируется отношением автора как повествователя и его отношением к повествуемой истории. Отношение автора к точке зрения рассказчика также позволяет объяснить истоки жанровой трансформации. Это противоположное восприятие одной и той же истории героями / рассказчиком (становящимся не только медиатором, но и солидарным с точкой зрения героя на события) и автором. Если для героев / рассказчика пережитые ими истории – судьба, то для автора – это случай. Другими словами, способ идентификации повествователя с определенной точкой зрения характеризует уровень отношений эпиграфа и текста.

Обратим внимание и на контраст пародии автора и высокого стиля эпиграфа. Анализ научной традиции в изучении эпиграфа к повести «Гробовщик», апеллирующего к оде Г. Державина «Водопад», показал особенность отношения Пушкина к литературной рецепции – «веселым гробовщикам» В. Шекспира и В. Скотта. Эпиграф становится источником текста о гробовщике, демонстративно отчужденном от литературных «соратников» по похоронному ремеслу. Оправдание угрюмого нрава героя и вместе с тем предпосылка иронического отношения автора к меркантильности ремесленника, мечтающего о смерти купчихи Трюхиной, обусловлена реализмом. Обыденность смерти, низведенная в русло прагматического восприятия, подчеркивает двойной план риторического сознания автора. Один – явный – формируется «фран-масонским» диалогом героя с Готлибом Шульцем об

особенностях их ремесел. Выбор автором эпитафия и способ придания ему роли инструмента диалогизации, иронический парафраз объясняет жизнеутверждение как мировоззренческую позицию автора.

Эпитафия к повести «Станционный смотритель» из лирики П. Вяземского обычно трактуется в аспекте термина «маленький человек». Аксиологическое направление в литературоведении привнесло новые аспекты трактовки эпитафия, переводя толкование повести в русло евангельского текста и библейской притчи. Действительно, параллелизм двух моделей истории раскаяния / прощения выводит образ Дуни за границы блудной и раскаявшейся дочери, оправдывает неспособность Вырина изменить ситуацию. Нарративная информация эпитафия о социальном положении почтовой станции диктатора, а также парафрастический смысл имени героя, апеллирующего к преподобному Самсону (Сампсон Странноприимец) как символу христианского милосердия и к мифу о Самсоне и Далиле актуализирует, хотя и в трагестированном ключе, бессознательное коварство дочери. Автор привлекает интрадиетических повествователей – рассказчика А.Г.Н. и соседского Ваньку – и снимает иронический парафраз пафосом жалости и сострадания к герою. Трансформация повести обусловлена эпитафием как коммуникативно самостоятельной единицей повествования, направляющей восприятие читателя по линии понимания авторского выбора чужого текста и отношения к нему.

Повести: «Барышня-крестьянка» и «Метель» представляют две модели пародийного, трагестированного дискурса. Общность типа рассказчика в «Метели» и «Барышне-крестьянке»: истории рассказаны девицей, в портрете которой очевидны чувствительность, сентиментальность, «наивная» точка зрения и замена житейского книжной чувствительностью. Пародирование ложно воспринятых штампов, заменивших книжным образом понятие представление о «судьбе» строится на мнимом вытеснении рассказчиком с его «наивной» точкой зрения автора. Авторская линия обнаруживается в подтексте связей эпитафия и основного текста.

Стратегия автора «Барышни-крестьянки» в ироническом осмыслении эпитафия – цитаты из шутилки поэмы И. Богдановича «Душенька» (1775) содержит аллюзию на литературные источники, которые не только воспроизводят модные для периода ложного классицизма жанры, но и становятся объектами пушкинской пародии.

Насмешка над литературными шаблонами составляет основную линию иронической полемики автора «Метели» с эпитафием. Корректировка автором описанной истории как случая, счастливого стечения обстоятельств основана на пародируемых канонах романтической литературы. Отношение автора к эпитафию воссоздает линию литературной борьбы первой четверти XIX в. Это полемика о национальных истоках баллады между В. Жуковским и П. Катениным. В споре «архаистов» и «новаторов» (Ю. Тынянов) Пушкин не низводит иронию к сатире. Сюжет баллады Жуковского с мистикой и тайной становится источником второго сюжета, основанного на внешнем подобии – фабуле. Синкретизм национальной концептосферы эпитафия, когда в сюжете баллады разоблачение мистического достигается также иронически мотивом сна, и мнимо романтического обрамления сюжета бегства Марьи Гавриловны из отчего дома и венчание типологизированы с чужим словом в аспекте нарушения аксиологических установлений. Здесь заключено своеобразие пушкинского отношения к эпитафию – противопоставить анахронизм книжных представлений и чувствительность как результаты «моды» подлинной жизни, явленной в деталях русской действительности. Риторический аргумент автора обусловлен его способом идентификации с рассказчиком, когда за мнимой солидарностью с рассказчиком кроется пронизательный взгляд писателя на действительность.

Изучение отношения автора к эпитафию в повести «Выстрел» также демонстрирует появление на основе сюжета эпитафия второго сюжета – сюжета основного текста. Романтическая поэма Е. Баратынского «Бал» (1828) содержит сюжетные коллизии, отголосок которых сформировал портрет Сильвио, однако иронически осмысленный. Пародийное выворачивание придает трагестированию основную роль в отношениях

эпиграфа и основного текста. Столкновение подлинного романтизма как объекта повествования и ложного романтизма как стиля пародирования вносит в комическую модальность повести корректировку автором амплуа романтического героя: загадочный, одинокий мститель-бретер стал пошлым героем водевиля. Даже участь погибшего за справедливость на чужбине делает Сильвио вместе с его «иностранным» именем маскарадным. Иронический парафраз эпиграфа как чужого слова и здесь становится выражением авторской позиции в поисках становления русской прозы в борьбе с отживающим и сдерживающим развитие литературы ложным романтизмом.

Итак, установление интросемиотического соответствия и описание прагматической установки автора позволило выявить в качестве факторов жанровой трансформации отношение автора к точке зрения рассказчика, что характеризует способ идентификации повествователя с определенной точкой зрения, а также пародией, контрастирующей с книжным стилем эпиграфа. Анализ эпиграфа как самостоятельного нарративного текста с точкой зрения позволил установить его роль как источника второго сюжета и функцию эпиграфа как иронического парафраза. Каждое из произведений цикла можно рассматривать как жанрово-родовую альтернативу сложившимся канонам: «Гробовщик» – возрожденческому типу человека и вальтер-скоттовскому историзму подробностей, «Станционный смотритель» – ложному сентиментализму и ложному классицизму, «Барышню-крестьянку» и «Метель» – ложному сентиментализму и чувствительному романтизму, «Выстрел» – ложному романтизму. Поиски Пушкиным новых путей в прозе показаны с позиций художественной оригинальности и национальной самобытности.

Список использованных источников

1. Женнет Ж. Фигуры. В 2 томах. Том 1-2. М.: издательство им. Шабашниковых, 1998. 944 с.